

„ХУТИРЪ.“
МАЛОРОССІЙСКІЙ ЛІТЕРАТУРНЫЙ
ЗБИРНИКЪ

на 1890 рікъ

ЗВЕРАТЬ Т. Р. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.

ПОЧАТОК ВЫПУСКА.

Типографія Б. Н. Крагозєвського

1891.

ل

компакт

„ХУТИРЪ.“

Малороссійскій Литературный Збирныкъ

на 1890 рікъ.

Знамѧть Т. В. Каленчуково.

Ізданий въ Ташкентѣ.

Типографія Б. И. Брагилевского.
1891.

С. и. 25. 1891.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 марта 1891 г.

Люби мои земляки!

Още забравъ и замъ величайшій зборицікъ на наші
чоли, читайте на здоровъ; тильки прошу не дуже нападайте
на авториць сякъ оновидань и вирішъ вси иси перомъ разъ
виступають на литературне поле, видъ того й иши творы слá-
бечинки. Ишъ ю подобасте, то и не забаромъ выдамъ и другий.

До забачення

Вашъ землякъ Т. Каленчукъ

Шо то добре хутиръ мати,
Та ше у инъ й жыты;
Кодо тебы батько й маты,
И маленьки диты.
Эте! добре, та де ванты
Грошей, шобъ его купыть?
Аджежъ такъ вань не даєши,
Гроши треба заплаты!
Одженъ треба прароваты,
Та грошеватъ трохи збыть,
Та хутиръ себи купыты
Та у инъ гарсенько й жыты..

Григорій Булда.

Вывчене лыхо.

Ось слухайте хлопци,
Та на мени-кайтесь,
Людскои направы
Цурайтесь! цурайтесь!
Бо люди старыи
Молодыхъ направить,
А посли ѹмпютци,
Ославлять! ославлять!
Икъ бувъ я ще дурнемъ,
Любывъ людей слухать;
А посли прыйшлося
Гараэдъ ногы чухать.
Ось слухайте дальше,
Икъ дурия навчылы:
Такъ новъ дитимъ вислу,
Баду прыченылы.

Одинъ чоловикъ добреший
Ставъ кой-що казаты;
А я его ставъ просыты
И оце пытаты.
«Чы вы, дядьку, цього дала
«Эмолоду не чулы,

«Икъ ти хлопци ходять въ хату
«Шобъ стари не чули?»

«А ось, хлопче, икъ ходыты:—
«Икъ прыйдешъ до хаты,
«Греба заразъ тыхесенько
«Чуботы изнаты;
«Та до дверей тыхесенько
«Греба подстулаты,
«Тода взятыца за завертку,
«Тыхо видчыната.
«Икъ видчынныи двери въ синихъ,
«То такъ же и въ хаты:
«Де спыть твоя девчыночка—
«Впередъ треба изнаты.»
Отъ я за це слово гарне
Заразъ учепився,
Энъ молодою девчыною
Энъ дни договорився:
«Пусты мене, кажу, мыла
«Ничъ поднучуваты;
«Бо я добре вже изучысси
«Ходить тыхо въ хаты
— «Добре, добре коаченъку.»
Девчына сказала;

Та ще свою билу руку
Ажъ посылала.

Отъ я вечера диждався
Якъ нового году,
Въ бокы вэявся й похожаю
По ін городу
По колина було снигу
И морозъ цапленный,—
А на мини була свыта
И кожухъ добреный.
Отъ я прыйшовъ ажъ до ворить,
Чуботы скыдаю
И одежу пидъ пидпору
У купу складаю,
Гарнессенько тін двери
Въ сины видчиняю;
Та зачепывъ синецвії,
Ставъ хатнихъ шукаты
Та й наробывъ въ синяхъ товчи
Шо треба й тикаты. . .

Якъ высокочу видтиля я,
Пидъ тынъ пидбигаю,

Чобить, святы и кожуха
Пидь тынонъ шуклю;
Колы нема одежини,
По сей день пропала.
Малуть якась зла лычни
У мене украда.
Якъ улунывъ икъ скаженый,
Босый по морози,
Ажъ снить видъ нигъ розлитався
По земной дорози.
Поки добитъ я до дому
Ажъ справди сказыло,
Полизъ на печь—ажъ пижельки
Пузыремъ схватыло,
Якъ закричу на печи я
«Рятуйте, швыденько!
•Браты, сестры и татусю
«И ридна пенько!
«О рятуйте моя ридна,
«Швиденько вставайте!
«Святить швидче, та пижельки
«Мини видтырайте!»

Якъ зачайы мене ланть

Хочъ утикай эъ хаты!
А все такы прынялсы
Ногы видтыраты
Тай пропанькася эъ ногамы
Недиль изъ десятоокъ;
Отакъ люди научылы
Ходить до ливчатокъ!
Шо на ногахъ въ мене шкуру
Стару обидралы,
Кожухъ, свыту и чоботы
Пидъ тыпомъ украймы.

На вику всого слуятысі,
Лкъ на довгій нывв;
А все эъ тымы шо до ливчать
Змолоду жартлывы.

Мынола Генда.

Сокильскій ярмаронъ
Правои середы.

Нагде въ синти такихъ гарныхъ
Ярмарківъ не має,
Иль въ Сокильцы писля Провидъ,
На гори бувае!
Икъ вы думали про його
Шо ванъ не погожій?
А падить, та раздыватца
На що ванъ похожий
Таки зовсінь на ярмарокъ
Такъ и закрываемся
Бо я ходивъ скрізь по йому
То вже раздывимся.
Бо це не те, шо купци тамъ
На день приїжаєтъ,
А на другий подымися,
Нико загортавътъ.
А вже сюди икъ прыидутъ,
Недалъ три стоять.
Жыдачъ смушки ажъ обрыдне
У купи складать.
Шо-то ярмарокъ бувае,
Такъ и клыкотыть

Такъ якъ вода на лотокахъ,

Здалека шумыть.

Якъ увійдешъ у ти ряды

Де бабы тургуютъ,

Та якъ глянешъ-скильки мыра

Найдкы купують!

Такъ мовъ паски на Великденъ

Видъ церкви несуть,

Або бжолы за погоды

Въ пасикахъ спиууть.

Той барапыну купус,

Другый борщъ уже куштуе,

А той локшыну купызъ—

Уже й гроши заплатывъ.

Той за квашу тургуетци,

И за цину турбуетци:

Дорого ты заганяешь—

Бога въ животи не маешь!

Вона грызню зъ його просе,

А винъ уже горшокъ носе

Пятака бай въ руку тыче.

Товарынивъ своихъ кличе:

«Алу сходьтесь хлонци наши.

«Праймноси лышь до квази!»

«Вона зъ похмилли кысленька,
«Та щей трохи солоденька.»
Коло квашни вси сидаютъ
И чепурненько тьопаютъ;
Повставали, якъ найились,
По закону похристылись,
Шипы яриаркомъ блукаты,
Дѣ—чого ище шукаты.—
Шобъ до-снаку що купыты
Або вытрышкывъ ловыты.
Тамъ всячину продаютъ
Только дурно не даютъ:
Пасты хочешъ такъ купы;
Икъ грошей нема—терни.
А зъ грошима не загынешь,
Жинки дома не покынешь,
За тебе рабтомъ держитца:
Не дастъ горилки шашатца;
Коло тебе все й сокоче,
Очишкомъ тебе мороце:
Бо нового забажала.
Старый на шматти зирвала.
«Купы, каже, лышь парчовый
«Бо обрядъ уже ковровый,»
Такъ и треба йій купыты,

Сердеза волю вволныти.—
Бо ничымъ не переминышъ,
Безъ того уже й не пидешъ,
Шобъ не купыть новыни
Й не показавъ дывыни:
«Купыть каже, новыну?»
«Покажи ще й дывыну!»
Отакого ще захоче!
Та такъ тебе замороче,
Шо не знаешъ якъ ступаты,
Та и начнешъ йіи пытаты:
«Дежъ та въ черта дывына?»
— «Я бачыла де вона!»
Шо ты робытымешъ зъ нею!
Та вже й пидешъ вслідъ за нею
Куды вона вже веде;
Слухай—ажъ бубна гуде.
Гулькъ! па-бикъ итка стрычыть,
Пидъ бубну тамъ шось крычыть
Оце-жъ то та й дывына!
Побачымъ яка вона.
Колы блыжче-справди дыво!
Сказать правду не шутлыво,
Тамъ морока його знае,
Якъ то чесько представляе!

Тамъ музыка въ ящи риже,
Гульки! у дверку эъ якы лизе;
Та вылило та й гукае,
Та хымери представле.
Пешло въ боки та у крымы.
Хочь бы сказати велике,
А то эъ гасыда забилши:
Шадыжъ, яки эъ його синшки!
Такъ эо—сиху ажъ лягаютъ
Тильки ю не пропадаютъ,—
Всякъ видъ сиху ажъ кричать
Вово басеня синшть.
После тришки подмылись,
Ажъ в дверци видчнылись;
Эъ дверець кричать: «прыхадить!»
«Меня деньги прынасить!»
И мы пішли у та двери:
Такъ ще й луччи хымери
Хочь уже в проплатимсь,
Такъ за тежъ и надымьсь!
Тришечки тамъ подождали—
Ажъ в музыка загралы,
Вово, ханапокъ, рбигае,
Та мовчки и не гукае;
А дали якъ расходылось. . . .

Такъ мабуть у пекли вчылось!
Крычть, проби: «я жепюсь!»
И хазайство ѿ заведусь!
«Душенька моя Петровна,
На личеньку била, повна,
Вона мене полюбила
И перстеньокъ подарыла!»
Такъ зо-смиху й залылся
И за бокы узлышся,—
Шо воно за сатана!
Та мабуты що вона
Тыбачъ яке препогане,—
Всикъ задастъ йому догали,—
Куды воно ще годытца!
А вже думае женитъца . . .
—А воно все балисуе,
Та пижкамы коверсуе,
Та московськой спивае,
Та тоненько вытягае.
Колы й друге появилось,
А та сатана й скепылась:
«Лошадку продай миць,
«Денегъ много дамъ тибъ!»
Посли за цину зійшлися,
Поташъ бытъца завелыся:

Ольнь другого лупциютъ,
Та лаютца, галасуютъ;
А паличъ якъ трацать,
Такъ монъ объ кистки брижать.
Женыло купцы звались,
Тоди до смерти убыть;
«Вотъ ти деньги!» закрычать,
Схватить за ноги й помчать,
Усладъ тутъ же й поплыся
Та тода якъ расходыся,—
Печаль його батька знае.
Шо вонъ тамъ вытвори!
Нижнепта выгинае
Само соби й прыспивае:
«Вотъ когда—то я гудяю
«И Петровну дожидаю!
«Петровна ко менъ пришла
«И поцелуй пронесла»
Гульки! и вона понимлась,
Такъ якъ пивень напылась;
А вонъ якъ закрычты!
Кланяетца, верещитъ;
Та до пей подступыло
Подъ ручку бин входило;
Та й давай кружка круглаты

Вальца заставыло граты.
Танцовали, танцовали,
После взялы й посидали;
Колы бижыть, стукутыть,
И зубами цокотыть,
Страшне таке, головате
Закустрани, та зубате;
Само воно эъ кишку вблшки
А голова—эъ добру дижку!
Не дуже й ротъ раззывлило,
Обохъ такъ и поглытало;
Повернулось и згынуло:
Мабуть въ пекло полынуло!
Оцього й мы полякалысь:
Бо трусылысь, не сміялысь:
Та вже посли розибрали—
Шо то ману напускалы.
Ну, та й кенська жъ и робота!
Одже то мабуть Никота
Отаке все вытворяе;
Та й до-дила жъ преставляе!

—«Оце жъ тоби й дывына!»
—«Спасыби шо повела;
«А то бъ я самъ не пашовъ

«А може бъ ѿй не найдовъ?»

Тильки видаль повернулысь —

На людське лыхо наткнулысь:

Жыдъ на красну карту грае,

Та добрае людей чухрае, —

Та що бидныи чоловикъ

Безъ шага вѣдъ його втикъ.

Тамъ ишь ката добрае грае!

Кажутъ ишну напускае;

От-то проклита невира!

Коjo столыка ишь вера

Якъ трасця стоіть трасця,

Чухаетца, та шкребетца;

Та карты перекидасе,

Показуе прымовле:

«Красна выграе:

«Цорна програе,

«Хто красну вгадае,

«Гроси получае.

Такъ моя цуцыкъ птигнулася.

Видъ столыка повернулысь,

До васъ до всіхъ прымовле:

«Цоиъ ишто ишь васъ не грае?

«Маесъ охоту, такъ грай,—

«Тильки карту прымайдай.»

Колы чоловикъ прямые
Пидъ чаркою та й мыркуе:
«Хто? кого? я? що! мене?!»
•Та я вже знаю тебе!»
Та якъ крыкне: «розступити!»
•Поставалы тутъ дывытьци;
«Гетьте, я лышъ зъ нымъ заграю,
«Дывити якъ ошахраю!
«Ану, гаслыде, трисмысі!
«На красну граемъ кажыся;
•Перекыдай лышъ шыденько,
«А и роздывлюсь гарненько.
«По переду роспытаешь
«На скильки зъ тобою граемъ...»
«А на скильки для поцыну?»
«На сто рубливъ, зла лычыно!»
«Со ты, со ты! схаменися!
«Пиды луцце, та просмыся!»
«А що невиры проклити,
«Боитесь мии програты!»
«Цого—зъ и боюсь? Давай!
«Ну лысь гроси выкыдай!
«Цого ты мене страхаешь?
«Не бійсь, зыда по злакаешь!»
Отъ чоловикъ гриши ми бризь,

Въ бокы внявся якъ той кнзъ,
Тогда жыдъ три карты вонъ ,
На столыку пошвыгавъ,
Якъ послидниу положивъ—
И дощечкою пакрывъ.

Чоловикъ - хнпъ, ажъ не та,
Та ставъ та й слыну ковта. . .
Отъ такъ сто рублии пропалы,
Къ черту уже й хмилъ прогналы:
Та за голову вхолывся.

Та въ яриарокъ геть и скрысса!
Мы плюнулы, та й пинмы;
Рели слухать пидайшли
На пий старецъ правды грае
И голосомъ пидтигае ,
Його кругомъ обступылы,
Шо добре грае хвалимы.

— Тильки шо й мы сталы слухать,
Якъ де внявся Панасъ
— «Зайдамъ, каже, у выставку,—
«Ташъ и кунъ Уласъ.»
Колы зайшли уяточку—
Ажъ Уласъ не смисне! . .
Отъ я й кажу Панасови:

«Давно винъ тутъ кыснё?»

«Та ще жъ ранку тутъ сидымо,

«Шокъ дурно блукаты?

«Лучче зайды у холодокъ

«Чопъ доглядаты.

«Сидай и ты эль наамы доглянь,

«На лышь выпый чарку!»

«Та спасыби, я ще не йињъ

«Изъ самого ранку.»

«Отъ, чорэнъ ще выгадуешъ,

«На щесерце й пыты:

«По жывоту лучче пиде,—

«Тоди й закусыты.»

Отъ по чарци, та по чарца,

А послѣ й сливаты:

Уже жинци й наскучыло

Мене дожыдаты;

Бо работомъ уже напала:

«Ходимъ тургуваты!»

«Та потривай хочь тришечки!»

«Докы жъ його ждаты!»

«Пидожды бо, кажу теби,

«Дай чарку допыты,

«Та изъ людьмы побалакать

«Якъ у свити жыты.»

«Ходимъ, каже, чоловиче,

•Чего ты звъязався?
•Отъ съ такими пьяногами
•Уже поривався!
•Ики изъ вась, божевильныхъ,
•Дурни балакы?
•Вы набуты не бачьте,
•Де ваши й чаркы?!
•Вамъ уже свить макортетомъ
•Уатца здаеця:
•Вона скоро же паздъ вамъ
•Изъ горла полетця.
•Ходинъ, каку! подымися,
•Який ты зробиця!
•Ты на себе не положый...
•Въ Уласа паччысн?
Та за руку якъ ухвате,
А я конетюся;
Того, бачьте, й не думавъ
Де я опенюся.

Колы дывлюсь—ятки у радъ
Изъ красныиъ товаромъ,
И Гарячныкъ у ятоции
Сыдыть эль самуваромъ
Отъ мы вайшли у яточку,
Ванъ юе сыдыть,

Потрусье бородою
Й самуваръ кыпты.
Посли жинка мене зразу
За стиль посадыла,
Пашла сама ажъ до Його,
Гарячу купыла;
• На лышъ, каже, та напыйся,—
• То де й хмель даветдя
• Бо цымъ только й проганяютъ
• Икъ хто дуже впьетца.”

Отъ я цього збытию
Пыты не павчывся,
Та якъ съорбнувъ изъ гарячу—
Трохы й не сказывся!
• Бодай тебе катъ поварышъ,
• Эъ твоимъ самуваронъ!
• Теперь уже не обдурышъ—
• Хочь давай и даромъ.
• Чортъ батька зна шо продаешъ.
• Тильки людей шиарышъ:
• Бо гаряче престрашене.—
• А ты Його хвалышъ,
• Чортака исхай у йому
• Солоду добьетдя:

- Тильки що таъкъ якъ скажено
- Уроти печетци.
- Тильки й знае що вугилля
- Въ його пидбавле:
- Объ медови нема й дункы—
- Його тамъ кать-мае.
- Васяка вѣсть попаносе
- Сюды тургувати:
- За окромы у насъ дурно
- Тильки гроши браты!
- Хоть бы сказати солодке,
- А то тильки буре,
- Та вснемъ його росказве—
- Та людей и дуре;
- Усе въ роти къ чорту попникъ...
- Ходинъ та пойдемъ?*
- А що въ ятки, жинка каже,
- Хиба жъ и не пайдемъ?.

Колы глану—хлонцівъ мотка
Якъ ти въюны влютиці.
У калталы вырядыльсь,—
Идуучи смютиці.
Идуть соби выгладують,
На солилки грають,—

Извисно вже чого ходять...
Дивчать выбираютъ.
Того ѹ ходять, шобъ якому,
Дивку полюбыты,
Та якъ пебудъ у ярмарку
Словомъ зацепыты.
Отъ и ходять сюды ѹ туды.
Пьянаго зостринуть,—
По вулиця не пускаютъ
Та на сънихъ пиднимуть.
Колы иде ѹ дивчать нызка,
На ныхъ и наткнулась...
• Ну.—думаю,— оце жъ кишка
• На мышу спіткнулась!...
Тильки стали доходыти—
Уже ѹ заляцали:
Нибы хотуть вернутыся,—
Взяли ѹ поставали.
Одна - однай хусточкою
Спину оббывае:
Нибы - то куромъ запали,—
А ѹ витру шене!...
Отъ хлопци йдуть облавою,—
• Здоровы!.. Тай стали,
• Добре вамъ, шо вы здоровы!..

Дивчата сказали,

•А вы мабуты паненъки?•

•А вже жъ иеньчи вась!•

•Та шо тъ вами балакаты...•

Пытете квасъ?

Шыте самы, якъ хотите,

Намъ його не треба

Для пасъ Господъ пошло воду

Изъ земли и тъ неба.

Такъ чого жъ вами балашъ куныты,—
Ну такъ кварту меду?

И того намъ не купуйте:

Його памъ не треба.

Такъ родынкины мы вали кунымъ,
Хыгивъ та риживъ,
Та канхветивъ у панирци,
Або оршакивъ?

Отъ дивчата осмыжнулись,
Та й не видказали,
Бо не дуже вже по серцю
Хлопци имъ прыгнали.
Хлопци стали радисильки
Шо дивки мовчали:
Пашмы зразу до крамаривъ,—
Шо знали те й брали.

Идуть видтиль рёгочучьсь,
Гостыньци несутъ;
Посходылъсъ вси до купы—
Дивчатамъ длють
Пинилы гуртомъ вздовшъ ярмарку,—
Куды жъ воны идутъ?
Такъ вуха й понаставляли—
Де бубны гудутъ.

Колы чуты: басъ реве
И скрынка скрынить
Бубна гуде изъ дзвонками
И цымбалъ бренчить.
Воны туды й повалыли,
У купу й змишалысь;—
А тамъ уже головъ десять
Зъ купы вытыкались
Отъ не довго ти головы
У кучи скакали;
Бо музыки такъ изразу
Писню й закинчали.—

Семенъ крыкнувъ на музыкивъ:
«Чабана заграйте!
«А вы хлопци разступитця,—
«Болше мисца дайте!»

Отъ винъ, ставимъ въ середыни,

И вусомъ кынае,

И всихъ да пить кругомъ себо

Оконъ обкыдае.

Шо наилуччу Севенъ выбравъ,

Попросынъ на танцы

Бо оконъ уже накынувъ

На неи ще въ ранци....

Отъ и стали вогы ридомъ,

Музыкъ дожыдлють,

Покы струментъ налагодяты,—

Та тода й заграютъ.

А Мурейко,—такы скрыпникъ,—

Все кымка, тай кымка:

А Дынька тожъ цымбалыстый,

Въ одну струну дзенъка,

Грыша старый реве на басъ,

Подкручуе струны;

А посли такъ якъ прыйдетци,

На килоты плюне.

Большакъ сидыть изъ бубною,

Та йихъ дожыдае,

Та гаметамы, гулючи,

Шкуру патигае.

Отъ музыки вси килочки
Гарло пошливали, —
Дынька соби на колина
Положыть цымбалы; —
Икъ ризулы Чабана...
Такъ шо-то й казаты!
Шиновъ Семенъ изъ Настею
Третика трепаты.
Чеберячки кругомъ Насти
Семенъ одырае;
А вона такъ икъ зарочка
Впередъ похожае.
Отъ любо-то танцовали!
До пары зибрались;
И мы усы дывлячись
На нихъ, любовались.
Икъ удере выхуласа,
И пусомъ кынае,
Та до Насти ажъ прыжоки,
Рукою захает;
Фертомъ стане передъ нею,
Грытуши погою,
Вусомъ кынне, окомъ моргне
И щовкие рукою;
Посли ухвате за руку.

Кружка коласуе;
А дынька такъ ажъ смѣтца,
Въ цымбалы тасуе.

А изъ Мурейка голова
Ажъ ходоромъ ходе:
Смычкою мовъ изъ наизженный
По струнамъ поводе:
А басыстый ажъ индицел
На басъ налаге.

А бубныстъ уже до шмыги
Въ бубагу выбыше,
И загуде й запороштыть,
Посла и прыгниде:

«Отъ-такъ расходыся
«Изъ дивчыною побыся,
«Та до себе прыгоримъ,
«Поцьлуй и обнимъ,
«Та впять чеберачки,
«А хочь пинки, або рачки,
«А хочь танцой головою
«Эъ дивчыною молодою.»

А Семенъ все чеберачки
Ноги выкидае,
Потрусюе головою
Ажъ шапка зиптае.

А Настя все якъ орлыца
Кругомъ козыртыца,
А въ Семена пять мовъ градомъ
Изъ лоба котытца.

Якъ музыки закинчали
Семенъ поклонывся;
Та подійшовъ до Мурейка,—
Изъ нымъ расплатыся.
Повернувсл—нема Насти...
«Де жъ це вона дилась ?
«Може вона передъ людьми
«Мене застыдилась?
Посли найдшовъ свою Настю
И йай поклонывся;
Та якъ сказавъ оце слово—
Та й самъ застыдывся:
«Спасыби, вамъ Настусенько
«Шо не видказали:
«Бо вы теперь мою душу
«Мовъ у рай замчали;
«Теперь и вже оцихъ танцивъ
«Уишу—не забуду:
«Устанчи й лгаччи
«Памнятуть буду...»

Про Семена ще багато
Можна бър росказаты,—
Та николи. Я вже посли
Буду токуваты:
Забижу ще до Галушки
Медомъ закинчаты,
Та тоди вже й до хутора
Треба поспишаты.
Отъ зейшовъ я на часынку
Шобъ меду напитъци
Козы прыйшлосъ тамъ довгенько
Мени забарытии.
Тамъ сидыть два чоловицы,—
Пыво потягаютъ:
Та вдвохъ соби за ярмарокъ
Воны й размояляютъ.
Отъ молодчай росказаус,
А старишай слуха,—
Вынівъ рижокъ изъ халавы,
Та табаку юха.—

«Бу въ я, каже, на ярмарку
«Въ Вербну въ Кобеляци ;
«Взять эъ собю й молодицю,—
«Принявъ же тамъ праці ! ..

«Потургувавъ такы гарно,
«Шо треба скуньвся;
«Та й пойхавъ изъ ярмарку
«Изъ горы спустывся;
«Прыхавъ ажъ до порона,
«Колы тамъ то дыво!
«И оконъ скынуты не можна
«Скильки того мыра!
«Лайка, байка, трискотии,
«Чо го тамъ не мае!
«А пороницкъ ажъ плачуты
«Эль порона спыхае.
«Голова туды прыйхавъ
«Ничого не вдје!
«А тутъ билше пидъиждають . . .
«А жъ серденько илje!
«Шо тутъ пъ своти робытымешъ
«Все йихаты хочуть;
«Га гуртомъ вси патовпляти:
«Другъ дружку морочуть.
«Отъ духоты вси й кожухы
«Уже посыдалы
«А такой напрасныци
«На себе й не ждалы
«Отъ и я кожухъ искунувъ,

«Та й поклавъ на визъ,
А жинка його насила,—
А я въ гуртъ полизъ.
Колы йиде каретою
Ажъ изъ того боку:
Ну теперь уже наробыть
Доброго тутъ товку!»

«Давай поренъ поскорѣ!»

Видтия гукае, ...
. . . . .

На цинъ воны разбалакы
Свойи закинчалы,
И послидне изъ носатки
Пыво дотягали.
А я мовы йихъ послухавъ
И меду напыси;
Та й повіявся лъ коморы
Бо й такъ забарывси.

Пишовъ видтиль ажъ до вона,
Жинка дожыдае:
Ажъ зрадала икъ уздрила,—
Воны повертье.
Пойхалы до господы,

Вже й зъ горы спустылысь;
Та йихавши пидъ горою
Ще на щось дывылысь:
Бо знаете, тогди саме
Дощемъ прымочило:
Такъ по гори такъ изразу
Й зробылось калыло.
А вен зразку урэдылысь,
Бо дощу не ждалы;
А винъ зразу якъ патюжынь—
Такъ халепу малы! . . .
Хто йшовъ видтиль пидъ чаркою—
Такъ тому досталось!
Руки, ногы, та ще й пыкы
Въ калу умывалысь . . .
А якъ до горы придыба,
Шобъ на нызъ спустытьца:
Такъ и начне винъ у рака
Ходыты учтыця.
Вовтузыца на четырехъ,
Та щось и бормоче;
Эъ покупкою назадъ себе
Торбынку волоче.
Ыничай повзе мовъ на санихъ,
На пыци калюка. . .

Па людьми не похожий!
Зовсичъ якъ марюка.
Ыпчый шуомъ плыве гарно,
Ногами дрыгае:
Мовъ у води купаетци—
Якъ душпо бувас.
Та прысуне ажъ до буртивъ,
На разному встане:
Такъ мовъ човевъ до берега
Звычайно прыставе;
Та й дывития кругомъ себе,
Якъ муха въ сметани:
Бо вже добре вырадысн
У червамъ жуинан! . . .
Та самъ себи й талкуетци:
Што його робыты?
Треба зайты, та хочъ тришки
Кэлыло обныты.
Отъ и паде у залывецъ—
Ще й рыбы пйнае. . .
Та лаже геть на писочку:
Спыть и просыхае . . .

Мы тъ жинкою: дынячыся,
Нъхъ ныхъ глухуналы;

Та швиденько до господы
Волы поганялы.—

Михаил Глинка.

Семенъ и Настя.

I.

Оце же тал й недоймка.

Шо я обищавъ.—

Шо въ Прмарку за Семена

Вашъ не доказавъ.

Не до-того, икъ тамъ кажуть.

Сердези було;

Зовсінь пе те и на думци..

Въ голови гул!

А пе зъ разумокъ зибрався,

Та й скончуновавъ:

Рядочкины из папери

Перою начеркавъ.—

Такъ слухайте жъ!—икъ додому
Зъ прмарку прыбувъ,
Якъ-той голубъ съзокрылый

Нашъ Семенъ загувъ.
Ходѣ блдный, свитомъ нуде,
Мовъ дуренъ блука,
Смыльевъ голову пызенько,—
Мовъ чого шука.
Посли пишовъ пидъ повятку,
Дверни видчиня,
Идо ясель подступымся,
Погладывъ коня;
Покывавши головою,
Коневи казавъ:
Готовъ, коню, до Настуси,
Шо я закохавъ!
Радъ бы тебе, мій вороне,
Въ почн не гонять;
Такъ серденько по Настуси
У грудинъ щемыть.
Полетивъ бы я до неи,
Такъ крылья Богъ не давъ;
Позевешъ ты, мій вороне:—
Такъ Семенъ казавъ.—

Заховалось сонце красне,
Измълась зоря;
Вже въ господи вечераютъ,—

Винъ садла коня;
Його клычуть вечеряты,—
Винъ не потура:
Свою ногу у стремено
Мовчы задера.
По дуброви,—по зеленій
Шумыть витерець,
По дорози такъ мовъ выхоръ
Летыть молодецъ.
Кинъ у мыли весь биле,
Нить зъ нього тече;
Тажка дума Семенови
Серденько пече.
Уже пизно до хутора
Семенъ прыскакавъ,
И до тыну вороного
Кони прывязавъ;—
«Спочинъ, коню, покы зайде
«Святова зоря:
«А я пиду . . . за кынь серце
«И кровъ замера;
«Та погасыть кровъ у грудихъ,
«Серце оживыть,
«Умершого въ тузи лютій
«Мене воскресыть.»

II.

Скоро пивнить; а Настуся
Не спыть, та й не спыть;
И гостынецъ въ рукахъ бывыхъ
Семенивъ держыть.
•На що цей я, божевильна,
Гостынецъ вапла? . .
•И вильному серденьку
Тугы придала;
•На що я эль нынъ таньцюала?
•Дурна я, дурна!
•Шо эль собою я зробила? . .
•Вынна въ темъ сама.
•За що його полюбила?
•Въ його е друга,
Нинъ мене зовсімъ не любе,—
•И встряла дурна!
•На що жъ винъ мени промовиши:
•По вину не забуть,—
•Устаючи й лигаючи
Мене споминутъ? . .
•Отъ не засну,—лико мени,—
Думка не дає;
Чого бьетци такъ у грудихъ
Серденько мое?

«Чы воно мени вищуе,
•Шо въ грудихъ шемыть. . .
«Одже,—лыхо мени въ свити,—
•Шось тыномъ тришты!
•Шо воло тамъ? Подывлюся! »
До викна встас...
«Лыхо! Семенъ у воротихъ. . .
~Серденько мое!
«Налепу мерцій до нього. . .
«Шо я за дурна!
«Буду сана набыватысь;
«Хоть винъ и не ана,
•Шо я його полюбла;
«Ни, ще пидожду:
«Хай лышъ у двори походе—
«Та тоди паду.
«Та якъ выйду й преставлюся—
«Нибы не люблю;
«Скажу: йайдь соби видъ мене,—
«Видъ нього й паду.
•Шо винъ мени казатеме:
«Чы просыты буде?
«Чы пойиде видъ хутора,—
«Надме свои губы?..»

III.

Подішовъ Семенъ до латы,
Тяжко издыхнувъ,
Родившися кругомъ себѣ,—
Тихо кашлянувъ;
Ходя, кашли и пудыця,
Та руки лама,
Выкликавъ Настю кашлемъ:
Йдти все нема!
Семеновъ вже й обрадло
Ломить свои руки:
«Эъ роду, каже, не терпнъ я
«Отакой штукы!
«Триліночки надежду щё—
«І саду на кони:
«Бо скоро вже набутъ зайде
«Святова зоря
«Сны, Настусю, Богъ зъ тобою.
«Мылая моя!
«Моею вже знать не буде
«Рученька твоя.
«Хотинъ бувъ я изъ тобою
«Здружыться на вакъ;
«Такъ набути я вродивши

«У нещасный рикъ!»
«Одну въ свити закохавъ и—
«И та презыра!»
«Прощай на-викъ, Настусенько,—
«На-коня пора!»

А въ Настуси кровь у грудихъ
Радисно кипыть,
А сердечко изъ Семеномъ
Обнятьци велыть.
Ждала бъ ище девчыночко,
Такъ серце не жде. . .
У радости, иибы тъ страхомъ,
До Семена йде.

IV.

«Хто тутъ ходѣ?» пытая Настя,—
«Кашля середъ почї?»
• Мене, мене заманылы
• Ваши кари очи.»
«Хто жъ вы такой, и на що вамъ
«Мойи очи кари?»
«Семенъ ходѣ и для того,
«Шобъ викъ жыты въ паркъ.»

«Падьте жь саби видъ хутора:

«Бо я вамъ не пара;

«Я зовсімъ ище для себо

«Пары не шукала.

«Чого вы до мене встрили.—

«Хыба я одна?

«У вась кращи є дивчата,

«Не звивлюсь я..»

«Нехай уса будуть кращи,—

«Шо мені до пыхъ!—

«Мое сердце полюбило,

«Одныхъ вась, одныхъ.»

«Дышуюся, якє ваше

«Сердечко чудне!

«Шо близкихъ дивчать мынуло,

«А любить мене?»

«Однимъ вамъ я свое сердце

«На вики даю...»

«На що мені ваше сердце—

«Якъ я не люблю?»

«Не любите? Такъ прощайте!

«Здорови жынть!

«Хто вась щыро любытиме—

«Изъ двору женитъ;

«А хто буде пенавыдить—

• Витайте того:

• Эль нынъ будете вы щасливи,

• Жалійте його!

«Та оце вы й росердышысь,

• Шо сказала слово?»

• А шо жъ бильше вамъ казаты?

«Давно кинь готовый:

«За новидъ, нога въ стремено,

«И кинь полетыть;

«Ваше серце эль мойимъ серцемъ

• Не ривпо лежыть!»

«Не ривво? ! . . .

«Ни, вы помылышысь;

«На серденько по мыслию

• Вы не раздынышысь.

«Наши серца, якъ я бачу,

«Обое выплыть:

«Не буду дальшъ передъ вами

• Любовь закрывать...»

(Полыны гирки слезы)

(Услидъ за словами)

«Я цилу нічъ горювала

«У слозахъ за вами!

.За меню?!

Семенъ камене;
Нибы громомъ наикапый,
Якъ стина бледкю.
•Не пойму я, чо робете
•Отеперь за мною!
«Зовсичъ булы заризалы
•Свойими словами
•Теперь стали оживлты
«Дрибныи сльозами.
•Настусенько, рыбко мой,
•Серце мое мыле!
•Не вижь того вы плакали
•Шо мене любыты?..»

«Я плакала и сердилась,
Идоси я не спала,—
•Вашъ гостынецъ про кунылы,
•У рукахъ держала;
•Я градась пынь, жонъ куклою,
•Ни крыхты я не йила:
•Не знаете вы Семене—
•Якъ сю ничъ я иила!
•Якъ зуздила вось у вичи—
•Не мылый ставъ свитъ:
•Стало мене морозыти
•И вкыдаты въ пить.

«Сердылася я на очи—
•Шо на вась дывылись,
•И на серце свое вирне
Шо переминилось;
«Сердылася на все въ свити . . .»
    «И на чепе?, · Натъ!
«Вы на мое серденько
•Положылы гнить.»
    «Такъ вы любите, Настусю!
«Я не обмылвся,
•И не дурно до вашого
•Хутора забывся;
•И не дурно такъ далеко
•Прогонывъ коня:—
•Позвольте жъ хотъ вась обняты,
•Мылая моя?»

Ледви-ледви Семенъ зачуиъ
Топесенъкій гласъ:
«А хыба я бороню ванъ?
«Я тутъ-коло вась.»
    «Не боропете Настусю?
«Такъ я й обниму,
«Поцылую вась безъ щоту.—
«Въ первше прыгорну.»

Прыгорта, цылую,

Втинае, илгие,
Вилье падъ боридку,
Глине новъ на квятку:
Поты любовався,
Покы светъ зикрався . .

Подымити на скидъ сонца—
Зовсими уже светъ!·

Шора, пора, серце хое,—
Идуть до ворить.
Напрощалась, якъ унмы,
Винъ въ сидельце сивъ.
Испяя шапку, поклоныся
И шлахомъ полетить.
Насти довго дывылася:
Курава курить,
У курави конытамъ
Коныкъ копотить.

V.

Закоханъ Семень дивчыну,
Яку самъ хотивъ;
Зайде сонце за горою—
Уже й полетитъ.
Варный сторожъ падъ хуторонъ,

Всаку Божу ничъ
За Настею турбуетца,—
Тильки за ию й ричъ.
Циле лито себе мучить,
Осены диждавъ;
А въ осени за женыльбу
Батькови сказавъ:—
«Благословить мене, тату,
«Женитца пора.»
«Силькись, сыну, якъ издумашъ,
«Хай Богъ помага!
«Я радъ буду якъ, женися.
«И пенька твоя:
«Номичъ буде йй на старистъ,—
«Чы чуешь стара?
«Семенъ хоче женитыся,—
«Иди радъ його
«Хай и видъ тебе послуха
«Совиту твого.»
«Женись, сыну, дыти мое,
«Я не бороню:
«Слава Богу, шо за жива
«Тебе оженю;
«Въ пари на васъ налюбуюсь,
«Покы ще жива;

«Скажи жъ, сыну, яла буде

«Невистка моя?»

«А хыба вы не знаете

«Яку я кохдэ?»

«Былъшь не кого, якъ не Настю,

«У пары зибрарь.»

«Бери сыну, дивка гаряя

«И покирне дыты:

«Вона й мене пожаліе,—

«Перейде путти.»

Нестинясь нашъ Семенко,

Шо на дило йшло:

Молыть Бога, шобъ швыденько

Совечко зайдло.

Сердыця ванъ на сонечко—

Шо не швидко йде:

И аже думавъ, шо николы

Ночи не дажде,

Колы сонце засунуло,

Винъ вывивъ коня;

Сиѣкъ попавъ въ сиделечко,—

Шляхомъ погани.

Полетиръ кинъ, якъ та муза,

Роздастця гласъ,

И въ одну винъ мынutoчку
Видъ хутора згасъ.
Та не довго писля того
Уже винъ скакавъ:
Изъ усього кинъ разгону
Ускіпецъ упавъ.

Звистывъ Семенъ свою мылу!
Пополамъ нога;
Бачаетца по дорози—
И никто пе зна.
Никто його пе нагыбавъ,
До свита лежавъ;
Якъ колода нога стала:
Винъ тильки стогнавъ.
Світомъ люде нагыбалы
Узялы його
И прывезли до хутора
Ледъви жывото.
Якъ зуадрила його пенька,
Якъ рыба звелася;
Себе въ груды ударыла,
Слизьмы облылася:
• Дытя мое, для чого я
«Тебе уродыла?»

«Для чого я побывала,
«Глядила, ростыла?»
—Знесьши його у господу
И на пиль поклалы,
Його ногу мотузками
Улубки звязали.

Шо день—все гири. Семенови
Вже й все заболило . . .
Судьба його нещастная
Такъ йому велела!
«Промовыть винъ до матери:
«Уиру я вже, пенько!
«Бо вже въ мене заболило
«У груди сердечко.
«Поплыть, мене, за Настею,
«Хай я подымлюся:
«Бо я чую, шо вже швидко
«Въ земли оженюся.
«Скажу я йй: нехай вона
«Другого збырае:
«А кто варто любить йй—
«Хай въ землю сковоре!
«Скажу йй: нехай не плаче,—
«Якъ умру.—за меню:

«Я зминыть йай — я винчаюсь
«Эъ сырю землею . . .
«Тамъ забуде мое серце
«Насти спомынаты,
«Не вытомлю вороного—
«Буде спочывати:
«Черезъ пейи въ сыру землю
«Покладу головку:
«Шо любынь йайи безъ миры,
«Гнавъ коня — безъ толку.
«Скажить же йай. шобъ йихала,
«Людей не стыдиласъ,
«Шо йай скажутъ: шо зо меню
«Ше не обручиласъ.
«Любовь вирна — обручани
«И винець-любовь:
«Якъ любала — такъ шо тамъ йай
«До людъскихъ размовъ!»

Наймыта туть спорядылы,
Семенъ исказавъ,
Шобъ швыденько винъ по Настю
Коней поганявшъ:
«Та не дуже тамъ базкай!
«Зразу не лякай;

« А якъ небудь тамъ легенку
•Мову выбрай.»

И довгенико писля того
Все Насти вонъ ждали;
Дали кризъ плачъ,—ледви чутно,—
Матери сказавъ:
« Идти сюды . . . моя мене . . .
« Всі . . . ридни мої . . .
« Може кого я . . . обидивъ . . .
« Про...щай...те...ме...ни!»

Зийшлись уси й попрощались,
Плачи начались.
У всихъ разомъ, хто бувъ въ хати,
Сльозы полились.
Такъ якъ слово исказаты,
Ще Семенъ пручавъ;
Эизнужъ трячи—и на вики
Эъ свитокъ распрошавъ!—
Якъ одилы— вонъ извисно,
Ничого й казать;
А шо робыть наша Насти—
Намъ те треба знать.—

VI.

Тыжденъ кризъ ничъ выглядала—

Його все пемае!

Шо зробылось изъ Семенонъ
Сердешна не знае.

Толкуетца сама соби:

•Мылый мій Семене!

•Я вмераю за тобою—

•Ты забувъ за мене;

•Забувъ мене й не згадаешьъ.

•Ось тыжденъ мынае;

•Казавъ: «завтра я прыйду!»

•А йдоси пемае . . .

•Мій голубе, жій соколе,

•Орле съзокрылый!

•Прымыны хочъ на часынку:

•Утишъ свою мылу!

•Шо зъ тобою тамъ зробылось?

•Горе, шо не знаю!

•Полынула бъ я до тебе—

«Такъ крылець не маю.

«И на ногахъ ище стала,

«То такъ не болило,

«Якъ сьогодни мое серце

•Въ грудихъ защемило!

«Бьетца въ грудихъ и горюе,

•И слизъ повни очи:

•Дуинка усе за тобою

•Головку мороче. •

Выйшла вона за ворота,

На шляхъ поглядае:

А по шляху, геть далеко,

Курина лягас;

У курини пары коней

Швыденько бижыть,

На повозки невелыкый

Парубокъ сидыть;

Нагрызие винъ на коней.

Все блыжче стае:

И Настуся вороного

Коня пизнае . . .

•Семенъ йиде! Серце иое!• . .

Й побагла на встрать.

Розслушалась якъ винъ покা—

Не Семена ричь.

Поравнявся изъ хуторомъ,

Повозка стае.—

•Шо скажете?• Пыта Настя;

Винъ отвить дае:

•Шо треба пакъ, те и скажемъ,

•А перш— здоровы!

•Ходимъ въ хату: я прынцъ ванъ—

• Весели размовы.,

• Кажить бо туть, голубчыку.

• Чогожъ иты въ хату?•

• А вамъ чого захотилось

• Впередъ усе знать?•

Идуть воны у ворота.

Недійшли й до хаты,—

На встречу йинъ выбигае

Настусына маты.

Шо це, Насте, за парубокъ,—

«Ты вже роспытала?

А за що жъ мнини пытаты?

«Я кона пизнала.

— Въ хату ввійшли—и все тыжо

Парубокъ сидae,

Кланяетца видъ Семена

И такъ промовляе:

«Я не знаю, якъ теперъ вамъ

«Усе й рассказаты;

«Навчитъ мене—изъ якого

«Краю начынаты?

«Семенъ просе, шобъ йихалы

«Настя изо мною;

«Бо винъ бадый уже тыждень

«Мучытца зъ ногою,

• И Богъ знает, чы вычуя,—

• Шось нема надія:

• Костоправа прымозмы—

• Й ничего не вдє!.

• Шо жъ случилось изъ ногово?.

Пыта стара маты;

Насти стоять, побила,

Не зна, шо й казаты.—

Росказавъ все, якъ случилось,

И просить упнить;

Стара маты все не хоте

Настуси пускать.

Тутъ и Насти прымозлась,—

Эгрызнулась стара:

• Чого ты туды пойдешъ,

• Якъ винъ умера?

• Якъ умре, то вже—не пары,

• Найдетца другой . . .

• То щожъ, несе, шо найдетца...

• То вже не тахый! . . .

Якъ старой ни молымы,

Вона не здалась,—

И Настуся у хутори

Въ себе зосталась.

Пойханъ той парубика

До хутора сажь:

А Семенъ уже на лави
Безъ души лежавъ,

Теперь пому пары —

Глыбкая яма;

А кинь до могилы —

Перковлан мара.

Нехай його люде,

Той хвале, той гуде;

А за любовь вирну —

Нехай Бось осуде!

Хочь вы не судите,

Дурныхъ не назывте,

Хто втерпивъ бы радисть

Мылй не звисты?...

VII.

Грихъ буде мынуть,

Перцемъ не черкнуть;

Якъ Семенъ умеръ, —

Про Настию й забуть

Шо діє вона

Безъ нього одна:

Чы може соби

Другого сдна?
Чы може приде
И письно гуде.
Другыхъ старостиъ
Увечери жде?
А може стъожки,
Перстени, клятки—
Готуе вона
До церкви иты?—
И лъонъ не приде,
И старостиъ не жде,
А другой зовсінь
На умъ йй не бде.
Въ ний гасне вся кровъ.
То гріетца зновъ;
Выною тому
Щиряя любовъ.
То ноги пессутъ,
То терпнуть, стаутъ,—
И слозы зъ очей
Гарячи течутъ.
Шмыгне дило зъ рукъ
И стане монъ дрюкъ:
Ночны не лжено
Изъ серденька мука!—

За гребенемъ маты

Ночынкомъ сюркае.

А Настя все кари

Очыци втырае.

«Чого дою плачень?

«Не выплачень доли;

«Його эъ того свата

«Не даждешъ николы.

«А взнаютъ сусиды,

«То ще и осудять,

«И скризъ тебе, дою,

• Мажъ людьми разгудать.»

«Хай мыръ увесь суде,—

«То шо мени эъ мыру,

«Колы вже Семена

«Сховалы въ могылу!..

«Нехай плачутъ очи,

«Дамъ слезамъ я волю:

«Нехай затоплю въ ныхъ

«Гиркую недолю!

«Хай думка литае

«И бъетца серденько:

«Хочь вы не корите,

«Моя ридна шенько.»

«Дурна, дурна дою!»

«Че танъ якъ любыты,
«Такъ ни однай дивице
•И въ свати не жыты!
•И я була дивка,
•И щыро любыла;
•Такъ же и николы
•Такъ доню не выла.
•И я твого татка
•У годъ зъховала,
•Та й жива идоси,—
•Й тебе отъ даждала.
•Вдовою зосталась,
•А тыхъ не вдова:
•Чого тоби плакатъ.
•Эпать винъ—не судьба!—»
—Выслушала Насти
Матерымъ вкоры,
Залылась слезами —
Й пешла до коморы.
•Плачте кари очи
•Покы жива Насти:
•Бо вона вродылась
•Безъ доли й безъ щастя!
•Безъ доли вродылась,
Безъ щастя хръстылась.

• Въ недобру годину
«Въ Семена влюблась! . . »

Проплакала зиму,
Прыходе вже літо
Земля вже покрылась
Травою и цветомъ;
Мынуло вже літо,
Зима впнть пидходе:
А въ Насти видъ серця
Журба не видходе.

Колы передъ Димитромъ
Якъ повечерило.

Два старосты въ хату
Тыхенъко вступылы.
«Добрывечиръ, кажуть,
«Чы пустете въ хату?
«Пустить перегритця
«Хочъ возмитъ и плату.»

«А шо жъ вы за люде?
«Видкиль вы? чы може . . »

«Такъ пави—матусю,
«На те шось похоже.
«Мы люди чесніи
«И чесного роду
«Прышли попытаты

- «Черезъ Ворскло брод у . . .
«Мы, бачь, зироловы,
«Шо ловымъ лысцы;
«Беренъ бесь тенетинъ
«И ружживъ куныци.
«Съгодни лысцы
«Бизыть,—кажу. бый!
«Колы це на зустрічъ
«Нашъ кнезъ молодый:
«Обмышт е лышъ каже:
«Не наша лысцы,
«Вы не родмылысь,—
«Ци нашъ не годыти,
«Пойдьмо ще дальше;
«Хочъ коней помучимъ,
«Такъ певно кунычины
«Сладкъ мы налучимъ.»
«А тутъ нашъ на щастя,
«Упала пороша
«И, бачымъ, пробигла
«Куныца хороша.—
«Швиденько мы коней
«Своихъ поганили
«И до васъ оце въ хутиръ
«Сладочкомъ попали.

- Надъ хуторомъ стаы.
• На сидъ разды вытца
• Колы сидъ у хату:
• Туть певно куныца!
• А правду сказаты
• Ни звиръ, ни куныца,
• А ваша Настуся
• Красная дивыца.
• Мы не звироловы
• Й народъ безъ науки;
• Позвольте, прыймите
• Святый хлебъ у руки!
• Такъ, пани — матусю.
• Ришайте й кажите:
• Йкъ мы согришмы —
• Хочь и повъяжите ..?
• Грахъ кажуть цуратьца
• Видъ хлеба святого;
• Иклыкайте жъ у хату
• Князя молодого! »
- Туть Настя озвалась:
- На що жъ уклыхаты?
• Мене не спытавши
• Въ васъ думка виддаты?
• А що жъ виддамъ. доню! »

- «И не пиду нене!»
«Чому жъ ты не пидешъ?»
«Нена й дунки у нене!»
• Ика жъ въ тебе дунка,—
• Такъ выты икъ выла?
• Уже рикъ мынае,—
• Шо ты прыробыла?
• Прослышила, дою?
«Выймай рушники!
• А киизови хустку
• Шукай до руки!,
    «Це сълою, нене,
• Схостиось втоныти?
• Усыловств дунка
• Не люба любыти?
• Гакъ лучше и, нене,
• Циду въ манихини
• Або на роспутти
• Полижу въ ногыли,—
• Нижъ выйду за того,
• Кого не любыти,
• А тильки головку
• На вики втоныти!—,
    «Якъ замажъ ты пидешъ,
• То й цього полюбышъ,

• Икъ винъ прыголубе —

• Сенена й забудешъ!

« Тогда я забуду.

• А икъ зложу руки;

• Тогда ажъ серденьку

• Скинчаютця мукы! . . .

• Не слуйте песе.

• Хай выбачать людё:

• За нелюбовь Насти

• Николы не буде! »

Гарбузъ исхопылы

У Насти сваты . . .

Мабуты жъ и Насти

Уже не цвисты!

Бо шось про могилу

Усе спомына: —

Мабуты вже швидко

Свій викъ докана! —

Никола Гмыда.

ВОСЬМАЧКА.

ПОБРЕХЕНЬКА.

Нель воно люди брешутъ? Още и думаю гдѣ бы быво
збрехаты що небудь, бо правды да зе не знаю, та щобъ
я и знать, пкъ-бы до небудь бувакъ, то тоди бъ хыба чого
не побачывъ-бы та не рассказашъ. Хотъ кажутъ, що брехти
не добре дело: но даромъ Котлиренскій въ свой Энциклопедіи
написашъ, що хто брехавъ, то на тинъ свити буде лыжати
парчи сковороды; ну що буде? „брехаты не цапомъ мыхаты“.

— Та буде аже теби жлектыти оттого чаю! разъ таъ
касала женка Катерина Ивановна своему чоловику Пантелеимону Савченчу Восьмачци, винъ на це чигого не отвітитъ,
а тильки покрехташъ та й винъ чай перестанъ.

Восьмачка бути одставный чиновникъ не молодыхъ лягъ,
служить колись у Ізміській Суде, росту порадишнаго, а пухо
було таке, що годовъ лоша похисталоси-бъ. Живъ винъ не
бедно, було ідоволь усюко всичко, не нуждаєся ни въ чинѣ;
до хозяйствства винъ не дуже доглядають, хыба де коли пиде
по стелу подмытись, ракою, пальмиши чай. Ну й пинъ

же пить чай — раз въ три на день, або й бальшъ. У самуаръ уходыло вода сориковъ бочкѣ, николы й не переставать кипитъ; такъ за те же горилки николы не покидаютъ, а однечъ чаемъ отдыхають, мало й бинь.

Холистюмъ заправляла його жівка Катерина Ивановна, по-така сама й работникъ наймала, роцятуала, всимъ завидуала.

На въ чимъ не нуждались Пантелеимонъ Савковичъ и Катерина Ивановна, будо въсго доволи, а тилько Богъ не даванъ дитокъ: обѣ чимъ тилько вони частенько скрушаються:

—Эхъ . . . хе . . . хе . . . Пантелеимонъ Савковичъ. Пантелеимонъ Савковичъ! видно мы согрешыли передъ Богомъ, що не дле намъ дитокъ, якъ покрено, кто забере наше добро що мы прибрали? такъ казала, здыхнувшая, Катерина Ивановна Пантелеимону Савковичу.

—Этотъ сердечко будемъ тилько державатъ вону, а те що вони — добра люди покинуть, у насъ же въ родычи: отъ бинь и достанетъ все.

Такъ вони ближатъ пися обидъ у прязыкъ икъ Катерина Ивановна слободна буда а того й не знали икъ прайдетца умирать.

Радъ Пантелеимонъ Савковичъ просыпушася раненько, що й сонце не сходило тай й пыталъ:

— Готовъ самуаръ?

Пому сказали що готовъ.

Иль устаръ же винъ, иль заодыши пыты чай, та иль
випмыть увесь самуваръ тогда вже перестанъ пыты, та може
бы ше пыть, такъ лема иль самувари воды, а пидглыти забуди.

Писла чюю захотиць подмыться на хлебъ иль ростуть
(бо було не дило весною) отъ винъ увесь пильци, та й пишоъ
кристочы. Треба було ему переходыти чрезъ балочку, винъ
хотивъ вернутки пакадъ, а дали, иль на одну лыжу годину,
веришыть питы. Начавъ спускатця въ балочку и понакъ
на круте чисто, такъ шо не двержалъ побиты, не дуже ше
й роигнався добагъ до половины сугорба, иль де въ лы-
хонъ годинамъ увесь пенькоъ, такъ Пантегжинъ Сансовъ
иль заченыси, та такъ жвалнуви обѣ землю, ажъ земля
затряслась, и, иль груша покотысь та впала на пенькоъ
пуръ, (бо були бербы инодилюди), та й пробыси. Иль
хлынула жъ та його вода-та й доси бихыть речка, кетра у
Кобелци называетсѧ Восьмичка.

Оде й уел побрезенка.

КРУЧЕНА ВИВЦЯ

(зъ Гребинки).

Зимою у наше село прышла икъсъ военна команда. Тоди икъ тѣ було шо теперь. Мы буились москальи, икъ непрытеля; було, москаль усе село переверне по своему. Дуже аликався мій покійникъ батько, пишовъ до старшого рокказавъ усе икъ треба: шо и дочка у його вельза, аже, и хата холодна и достатокъ малый и давъ ему хабари. Хабари старший вінъ и сказать „не бійся“. Мы не буились два дни а на третій такы влізу москаль у хату, та и сказъ: прости мене Господы икъ наїхуть и ладною не выхьдышъ!.. батько до старшого—старший каже: шожъ робыты не наша воля: сила солому троцьти. Ты добрый чоловикъ и хабарь твой будъ гарний, я тебе позабуду (пинъ, спасиби йому, никогда не забувавъ покійника) шожъ робыты терем.

Прышовъ нашъ батько до дому, видославъ старшу дочку до тяткы у друге село, и мы стали жити тъ постомъльнецъ. Насъ було четверо: батько, маты, я хлончыкъ лять десить, та сестра пятигедове девча. Коло вечи стогла здорова кровать на вій спанъ постомълецъ, батько тъ матирю стали спати на пичи, а мы тъ сестрою мерамъ на лави коло дверей. Зъ першу мы, диты, дуже буились постомълеца його рушници шо столла пидъ образами а ще дужче его пускай а плачте тоди икъ було наїхаже изъ воськомъ іхъ сажю; а опасла прымыкли и ще й буды рады, шо икъ яксыца не были такъ смиши-

и къ ци. Кажды днъ було то жаренъ гуска, то курса, то бѣранына, то разное смышие. Батюко узинашъ постолецъ не робе шилого лыка и въ не голодеть и годувать его икъ на сало. Пройшли жасныце и насталь писть. Наше село стоять не на Днепре-икъ и рыбы кѣль-иа; початы бѣсты шо Бось днъ: то редъку, то капусту. Збунтувалисъ постолецы: изъ ранку до ночи бувало икъ гримъ гренить; шо днъ то все горше, хотъ икъ хаты тикай! А тутъ прыгнувшись ще хадела: закрывала винци у насъ въ стари. Батюко пранись винци.

— И хочу выхай обигрятся иже:—не буде криви.

Закрываю постолецъ на винци: —И, иже, эъ винцины купании не илю. И паду до старшаго, такъ винь висъ и живыть не остави!

Та иже була и кешку надинъ трокы не виновъ та покійникъ дегаддаки, днъ йому шось такъ пинъ и прытыхъ и оставилъ въ хати,—осталась въ винци та тасъ була весела, звисно вонъ не людинаничего не понима днъ усе разно шо и шо постолецъ! — и другой днъ була вона весела и шкандыбаты перестала, толькъ иже він хотела унять у хаты пустыти; а на третій днъ бида зновилась: шо эъ слого ии ии того закрутилась винци стала сосновъ крученко, не толькъ обога двороба называлася: прыжакъ голозу до земли дымытица на землю и крутытица на одинъ мостъ. Такъ крутилась и винци: ни йесть, ни пье, все крутытица на одинъ мости, днъ пудо и иль до земли прыжалила пешаче до чого прислухватиц; прыжакъ чоловакъ за два сосидки, подмылись на винци и склады

шо вонь смыть кручень, а батько додавъ шо йди скоро собаки зъздеть. Икъ ишли гости постолецъ и начаъ просыти батька шобъ вонь заринъ винцо и дай йому инисо:

—И, каже, пынь оце инисо, воно добра, жирне, заринъ тилько швадче вонь не слудла.

—А пистъ? сказавъ батько.

—Не твоё дело заливатъ у мою душу! закричавъ постолецъ, та й выльянь батька такы добра.

Подушавъ батько: «все равно, софам зъздить, ведай винъ пистъ може дочь трохи мяккий буде;» и заринъ винцо, а постолецъ дай писты наче изъ винсныци и въ одну педилю зънъ усе ведъ головы до хвоста.

Мы истали рано досвіти зъсватыни каскюць: батько сивъ биле почі подчынівъ кожухъ, мати на пичі праля постолецъ спалъ; икъ ось застукавъ хтось у винко и столь кдыкаты нашого постолца:

—Іванъ! Іваночъ! . . .

—Ікый тамъ чортъ! закричавъ постолецъ.

—Не байсь, не пиздай старшого! уставай на личини Іди.

—Радъ старатці! закричавъ постолецъ, та икъ съзывати зъ постеле и пишовъ крутыться изъ однімъ мости посередъ хаты.

—Скориши! кричать старшый.

—Зараз! кричать постолецъ и все крутытца изъ однімъ мости.

Батько переставъ шиты, мати упостыла веретено, та дмъятаца на постолыца, а винъ усе крутыца на одинъ мѣстѣ, прыгнуши голову до земли. Мы,—диты, то смыку трохъ кышокъ не первали на його дмъятаць.

Старшій уйшовъ у лату, начавъ буть лазы постолыца та послѣ скажи: «онъ вонъ що!» и замоки. Пидѣшовъ до постолыца перехристыть його-не бере. Давъ ему руки рушнице — изъ рушнице крутыца! Тутъ старшій и напашъ на ногу батька: чого ты не берагъ казеніаго чоловіка, чого винъ крутыца? шо винъ йакъ? шо винъ пынь? шо робъвъ? Батько отказалъ, шо постолецъ ничего не робить, лежавъ ногъ ранку до ночи, пынь винъ все же повадилось видѣть руку, и йакъ бараныку отакъ и таскъ. Тоді старшій просто скажи, шо воему батькови на лысли и миста нема: на видо винъ утроявъ казеніаго чоловіка: вище закрутилась, и чоловікъ Закрутился; и начавъ вилазы батька, шобъ доставить по Начальству. Та мати догадалась, упала у ноги старшому и стала просыти и кляла шо ничего не ножале. Старшій буть добрый чоловікъ и не простый: кой шо знать—казеніи подшептати и скоро видештасть икъ руково зияю, тильки прыкамъ годувати постолыца сажено бараныку. Ище зеринали двохъ овесь постолыци та й старшому заплатили три карбованца. Ну та йогъ зъ пыни! добре шо хворого вылічыли, не прайдися вѣты по Начальству!

Якъ то висново, уже послѣ Недѣльнихъ Святощъ, вийшовъ до пась у лату ахвицерь; ставъ на порози, узивши у

боки и начиь лапти моего покойного батька: «ты и дурень и сей и той», батько за такое слово покликъ и мочить.—

—Ты знаешь дурный за то и тебе даю? запытавъ ахвыцеръ, икъ уже обрадо ему ляптысь.

—Не знаю!

—За те шо ты дурный, шо дать себѣ обдуритъ.

Тутъ ахвыцеръ рассказалъ, шо його москали посердились и рассказали однѣшь на одночо, икъ Иванъ захотивъ ишикъ и положить вину на вухо шенку, то вина и начаъ крутиться и икъ избивши чинъ пиджовинъ старшаго, и самъ крутясь . . . все рассказывъ (спасыби йому добрый чоловикъ) помыкавъ сюда старшаго и постомльца, приказавъ ему крутиться и долго смыка, а потомъ сказалъ:

—И страсть не люблю хабаринъ. Шо же звать то прошло; за бараныну не вини судьбы. На вино давай, на те шо ты дурный, а три карбованца веддай, безпрежнино веддай, сразу давай!

—Веддамъ, нашъ благородие тилько теперь нема: проплыть на прахинкахъ!

—Ну икъ хочешъ, де хочъ достань—и хабаринъ не люблю.

Такъ отаке то трапылось моему покойнику! Добре шо на чеснога чоловика—ахвыцера дило выпало, все расказать,

хоть и вылазить, та и гроши велеть отдать некъ. Хоть батько
и не получимъ и денежки, та все таки велеть выдаты; и за
те спасыби! Добрый бусть человекъ!

18го 89

Б. Васильевъ 2 л.

Закурившися парубико
Мокъ та сыротинъ,
Плаче соби тихеенъко
Иль мала дымна.
Чого жъ поку журитысъ,
Ше жъ винъ молоденъкъ;
Боязенъку не журмысъ
А будь веселенъкъ.
Не радъ бы винъ журитысъ,
Самы слысы лютца;
Не радъ бы винъ и плакаты,
Такъ людим скіптице . . .

Г. А.

Р А К Ы.

Описания.

Сердь степу иъ незельчий хатыни, ижеъ чоловицъ изъ жинкою; жалы поны у сеѣ й худобу: ошичть штуку иъ пытъ, воровинку такы таъ тельомъ таъ цо треба було иъ кошартину напърсты лочь ногашинку; отъ Степанъ—(такъ звали чоловица) иъ заходыся были тѣби кошартын: поставили соки, постальни крокы иъ улатавъ густенько латамъ, не всицъ байи герадъ иъ икрыты, икъ заховыла зама—кинь сакъ таъ обкыданъ соломою, спагомъ прыхыдаю, таъ таъ иъ осталосъ замукваты. Быль такы байи чы маленько й строннь; иначъ паси Великодныхъ Святоекъ а насылу кончысь паси Андрія (30 Ноўбра). Ничего скакаты, провориеный булы Степанъ: де можна справыться за пять дні, то винъ проходить цилесникій день, що вже ему доставалось видъ Гапкы! (такъ звали его жинку) то мало шо частинко такы ляла, а де волы прыходыся таъ шо и до чуба добиралась: винъ буть хотъ и при здоровою чоловицъ таъ икмисъ такыї вильмъ икъ кажутъ: „не въ тынъ ии въ ворота.”—Гапка таъ була при шаблехъ баба, таъ додатокъ ии кроку й хутенка; уже икъ заходыти быти Степана то покы винъ обвернетца разъ, то вона й баны

шьтовых и по пыце зажече наловить обмынинь бадый Степанъ, що де колы ажъ до плату дичодить. Однъ разъ така штука трапылась: на весну, не всплю соничко блыснуты своимъ промашкамъ и прыгрыты такъ, щобъ скинуть изъ горы скотинъ не всплыть весенка пасинати: „покинь сани колымы визъ”, не всплыть жайворонокъ подняться у гору за-спинати своеи дробин та веселой писни, та мабуть що не зевиць и бабакъ смыснуты. якъ Ганка на Степана начала грызти щобъ прыгрыть таки кошарчину такъ якъ слизде, щобъ таки було на лище небудь похоже:

—Ты бъ таки Степане пашочь бы у Хвыдиренку та кунымъ бы очерету, отъ я вкрай бы, тоди гарно було бъ и подымети.

Такъ Ганка на его частенько нападалась. Степанъ то тымъ то сымъ отбалакувавъ: то пидожды каже обсью управ-ливъ у полі, та тоди же буду и коло дому поратись; прйшло время чи маленько збираючись усе укрывати кошарчому мы-пузы вже й Нелькодии светки, а Степанъ и доси не зибралъ у Хвыдиренку по очерть. Однъ разъ Ганка таки якъ парилаась на Степана яди тай яди,ничого було робити Сты-шавки треба йти. Начавъ ванъ збирати у четверть увечера, ото щобъ у пятницю раненько пити та й справытись щобъ на обедъ и додому вспити, бо тоно таки не дуже далеко було. Перепочувавши Степанъ забрался уже йти, выйшовъ уже якъ за дверь якъ тутъ Ганка гука:

* * *

—Степане, Степане! вернысь лышень я щось скажу.

Степанъ вырнувъся.

—Ну, що будешъ влізти?

— А ось що чоловиче: сьогодні у насъ пшеница таъ не хочется
того борщу захочуватця варити, який уже винъ писний....
та винъ и таъ ажъ обридъ а це и надумала: всьми хотъ
грыбенюка грошей та кунышъ у Хмидиринці раскінь то и
зроби: хомодный борщъ, отъ иксъ прийдешъ то й пообидася.

— Кого ты кажешьъ жинко, кого?

— Ракинъ!

— К-ракинъ!! шо воно за крокы: я ще такого й зроду не чува!

— Или таъ у бисового бутька кроки,-раки!

— Та що жъ воно таке жинко? де жъ воно росте? чи воно
огороднина така чи Богъ его зна й що.

— Дурний ты отъ що! воно паде не росте у леса ловитъ та
стрялють таъ иксъ зайцівъ, коли ты хочешъ знати.

— Ага! таъ ось воно що! це бъ то крода звіра якого чи що?
такъ сьогодні гризъ його йисты; воно жъ мене.

— Та яди вже не турбуїсь, бо тъ тобою иксъ балакати то
треба спершу городу найистись; та гляди не забуйай: ракинъ,
ракинъ!

— У кого жъ я таъ винъ куплю?

— Адже жъ ты йтишешъ до Гарбуза за очертаніемъ то иль его
кунишъ и ракинъ.

— Ага, ну добре!

Пишень Степашъ, а Ганка виша размѣръ пять крикнула
глазы не забуйай, видно йий скотилось ракинъ иксъ передъ
смертью.

— Ну слава Богу таъ вырадмы! отъ мене Богъ давъ
манастъ а не чоловика, то иксъ що мес зробити то поки
нагарюкаєшъ, то ажъ иксъ забулити; де вже воно та же

б выросло, ему якъ що кажы, то такъ якъ у стину городъ, стонть тилько очи вытиращть що вже буде дльшъ.. уже обрадло и лантись и бытись, а безъ того й не обайдеся тъ такимъ чоловикомъ. Й знаю паробить ѿче винъ якъ пидѣ! Присказувала щобъ до обидь прийшонъ та ни забуть цього не буде. Та що дочь бы справився, тойничого, нехай тилько не справити то буде ему;—пійма не одного обмыни.

А Степанъ вдучы рече думати про раки икъ-бы не зъбуты та сать себи пидѣ ність балаки: к-ракинъ . . . к-ракинъ . . .

Якъ тутъ на одну лыху годину де не візела Грыцько Борщъ:

— А здоровъ бути Степане! куды же ты йдешъ?

— Здоровы дядьку Грыцьку, спасыби! . . .

— Та за вющо тамъ спасыби,—я пытаюсь куды ты йдешъ?

— У Хмидиринку, дядьку Грынъку по очертати, думаю кошарчыну прокръти. Запинъ прошлу осину для спечать, та коровинки та не испанъ укрыты, а юкъ хоту збиратись та довести до виа щобъ не свитла ребрами якъ дотла конинка.

— До дила кажешъ Степане, що до дила то до ділъ,—якъ очертати укрыти то вено такъ й постое.

— А якъ жъ це видкиля дядьку Грыцьку йдет?

— О, видкиля: крыши лышь вогню та сидимо покуримъ, то я й роскажу видкиля.

— Такъ ходите онъ де пидѣ ногылкою посидаси^ж у м-тишку.

Пишлы посидали. Степанъ выкрасилъ вогню захваливъ

льку, а Грыцко вытигне зъ кищени що вкладати. Иль уладитъ Степанъ лольку таъ ажъ пидкочинъ:

— Де це ви дядьку достали още лольку?... це мені знаюча лолька, попограла жинка за пейз мені голову, таъ я торкнъ на Святошинську ярмарку у Гостиниці в прошній із оце да й теперъ у мене є, хотіть я не хотілось, та треба слухати жинки. Иль же оттаку лольку зъ верхняками, патемською біразом та не шкодити.

— Ну ажъ якъ бы не було, ажъ Степане оттакою штукою паколи бъ не збукавъ зъ рукъ. И ажъ його побачивъ у Лук'яненка таъ на ярмарку та таъ до его й пристави реп'язомъ щобъ помінившись і у мене не дуже таки погана була лолька!... отъ вань і згодивсь, бо я таки дала додача цілого полтинишка. Ну не шкода дати й цілого карбованця! Эхъ Степане, Степане якъ бы до цієї лольки та вернулось, мене літть зъ двадцять назадъ—я думаю що не одна бъ чорноброда паки нуда скочить. А що теперъ? хиба ана шебудь баба глине—та й та вже не глине. Тільки й того що самъ якъ подымися то ажъ горю на душі стане; та такий добрий чоловікъ якъ оце й ты, що вживше це димо, поцюкнє губами та й скаже: отъ штука! танк-танк!... иже Степане не до того йде щобъ пам'ять хвастати: тутъ уже не способитъ гараздъ і робити. Още ходить у Грушевську плюсочку у строкъ ставати та управителя не заставитъ дома та зъ тимъ й до дому буду.

— А^{*} почому теперъ, дядьку Грыцку, у мисниць стоять?

— Ахъ тоби казекъ Степане та й самъ не знаю якъ теперъ заробити: трудно, дуже трудно стало на світі жити; поки

ще булы молодый то й кой икъ, а теперь вже ледве, ледве,
чагаешь — нема же здоровья! та й лита вже слава Тебе Го-
споды! — не молоди. Икъ не крутысь, а прыдется на Самаръ
пмыатись . . .

— На ику Самаръ? пытве Степани.

— Икъ! хыба ты й не чувъ ничего?

— Ни ничего!

— Та, правда, ты живешъ на такомъ стено юо йничоси-
сильно й не почуешь.

— А юо икъ такъ дядьку Гримъку? расскажить-бо!

— О, Степане, Степане! не я бъ казавъ, а не ты бъ слу-
хавъ лучше бъ не рассказуватъ, икъ не хочетия выдати своего
ридного краю та треба, — нужда заставление хоть не скочишь
та покишишь, а ще икъ бы ты зналъ икъ у насть хороше-
житъ, юо то за мистина прыгорюша. Весною икъ расцвѣтутъ
изъ садовъ икъ распустуть усе дерево листи такъ не можна й
рассказать икъ и гарно, икъ у разъ та й годы! та щекъ у
настъ у каждого изъ садокъ у левады о, изъ далеку икъ глянь
такъ только де не де хатку видко, а то дерево прыкрыло
своими гиллячкамиъ такъ и порываютъ у садкахъ. А летомъ
ицъ уродятъ слизы, такъ Боже! сколько вгодно листы и про-
дзваты; однины сливачи Прялкичиане только й живутъ ну за-
тежъ иинъ и достаетия видъ Горинъ. Но весни икъ розилье
Пензль и вода икъ затопить усе Прялкику юо де кому ажъ
на пичь вода добираєти, и вже чого только попаробите та
вода поки утече, то горице понадходять наль гору та й
крыть: „а давайте слизы!“ тутъ може кому й дыхаты не
хочетия, а зоны дратуютъ слизами. Отъ про одно же только
*)

И не гарно на Примори жити а то вонничо у кого є па чинъ жити, а що вже такими ись я, то тілько мати рукою та й годи: служи, служи, упесь сий винъ служи, а інрея чи-хто й добрий словою не спомъне. Такъ я още думанъ що його робити! люди пышутця на Сакаръ запишусь лиши и я що Богъ дастъ.

— Та що жъ вено за Сакаръ? розкажи чини прубъ и я зможе якъ я запишусь пытас Степанъ.

— А ось що: може ты тутъ у Хорошкахъ есть Смирновъ таъ винъ доскипавъ у волости що є таъ бояга що можна на переселення писатись: отъ пачь ту бомагу прогнати та й начинъ писати прощенія хто до його прийде щобъ зна-чить пересылатись у Сакарьску губернію на каленину ле-ле. Хотъ може звали й не таъ добра якъ у пачь, ну а икъ у кого смиливъ душъ пытъ е, та буде хного звали, можна забагатити; чого жъ його довго думати, треба писатись скоринъ, а то ще ить письмовці багато людей, то пачь и не дадуть, бо тепер тилько гуки що звали роздаети то таъ и постити хоти на край світу: застывать беда коржи-ть саломъ листи. Хотъ хто й не думанъ быти на переселення, а получивши оттаку штуку зарять килеметці за роумъ и починъ жикюю хиркувати та не довго думавши карбованца руки та й у Хорошкы до Смирнова; що того мыре до аго сунуло иль усихъ крайинъ, хто тилько почува про це: язъ Кре-менчуцького, Хорольского й язъ Рыштылаки: видъ усихъ набутъ Смирновъ не вправитися й писати та й грошей бра-ти. Та не таъ чого й почу на старостъ жити: робити вже не способинъ, а що стріли качимъ та зайци та рибу лове, та

того не дуже рожьметца, бо скоро не способен буде ѹ того
робыти, а пысаты хотъ подчиненку надрина, а чи не скон-
то у нашей волости хиба мало пысарчукнъ с посыча, дасть
икого карбованца, та роскошк, то вони ему напишуть сколько
пгодно. Отъ винъ дѣлъ пысаты то купимъ себѣ хатку
и ленаду такъ у тыхъ слышъ переселенцевъ пошли на
Самару. Нигде доктесь, думай у недило икъ Богъ дасть
даждемо пыты и себѣ до Сымриова пехай пинаке й мене из
Самары.

— Гакъ тамъ толь, даромъ и дають землю? пытас Сте-
пани.

— Ни! воне не дарочь, а за плату,—такъ платы не вони-
ка по карбованцу чи що за десятому въ рахъ чи ѹ того
менече... настоящо не знаю.

— Та хотъ по карбованцу то ѹ то небагато, обиванси
Степани, добре вы дальку Гримльку зробите икъ запишитесь,
важе ѹ такъ обрядко службы по икономіи.

— Де бѣ то вже Степани не обрядло! еще икъ и ходить у
Гаушкинську икономію хотить напитись у стрекъ та не за-
стать управителемъ дома та тъ тинъ йду и додому оттаки та-
перь пайки! колись було смысль дома найдутъ и изъ печи, а
теперь?... теперъ багаю икъ собака въ измѣръ вывались,
та ще и ве пайшиася. Ну у икономію хотъ и паймы робыти,
прыйдетши до рощоту то ѹ ще и пыщтавать. Найлучше у икого
небудь козина службы винъ и карт-мы не обидить и тъ
платы не вывертавать, усе що слизуе радость и надъ шы-
паки у тебѣ не стоять, а робыти силь сколько силы є и не
деводити до токо шобъ хланишь гримль.

— Такъ, такъ дядьку Грязью лоть яй не служить а паро
ванъ шо вы рассказуете.

— Та я лучше Степане шо не служить, не бажаю не тиль-
ко тебе,— я сюзнь ворогамъ цього добра... Оттакъ Степане
д добавлялась ешь глянь де иже сонце. Степанъ якъ сло-
вныца та ажъ за голову ухавъ.

— Шо жъ це жизни буде? мани жъ Гапка прыказувала
шобъ я не барысь, треба скориши оты бо щежъ и до Хим-
дырикы далекъ.

Встать къ Грязью. Закурилы людмы пообтрусились,
вопрощались и разошлись. Грязью пишовать у Гонтиу, а Сте-
панъ у Хымдырику.

Идучи Степанъ думашъ чого винъ иде у Хымдырику,
та я надумавъ шо ему Гапка прыказувала шобъ чогось купыть
и гравию гречей дала—такъ забувъ чого, иже якъ винъ не
морошишъ свою голову а не надумавъ, покы дайшохъ ажъ у
Хымдырику. Перебивши чореть месть шо на рицца Хороли
зостривъ чоловика спытавши де живе Гарбузъ и пишовать дали.
Иде Степанъ пулмацио лиль ратъ по были ляпочки колы не
тысокочло жидкини та я крычить:

— Эй дядьку, дядьку, вернись.

Степанъ иде не огляднотица.

Жидкини за иныхъ бахкыть и крычить:

— Цуесть музикъ, музикъ! вернись.

Степанъ якъ оглянулся шо воню женетци, лиль обвернет-
ца та якъ закрыть:

— Чого теби треба бессана! и нападлось якъ собака: гавка
та я гавка, ось петь текай, а то цинкомъ такъ и потагну по

тоже видалиши що ажъ прыснешъ?

Жидыни стало, смѣте та що й лає:
— Дурный музикъ, дурный!

Степанъ не долго думавши икъ затупотыть ногами, икъ закрытьть, та надизныи цинокъ—за нимъ, жидыни лихо сачивши, сколько вѣдуху побигло у лавочку та й зачмылъсь.

— Ага щено! занялось, ну щастыи твои що не догналь, а то ѿбъ теби надсадить бебехивъ, що й дитинъ бы лакалувало. Це жъ таке салисинки икъ торикъ на пригреку на мене изъчыпалось: тутъ иду досадую що лольку проминуть а воне выбигло та й крьчыть: мужыкъ! мужыкъ! такъ и такы зиганъ его дзаченъко, балишъ не крьчилъ та и не крьчатель, бо и разъ такы вчастыи его по говицамъ що ажъ прысанъ. Та де жъ! тутъ забудъ що миши Гапка казала купитъ, а воне бисыни напалось,—хыба не досадно?

Такъ Степанъ балакать сильъ зъ собою йдучы, поки не зчулся икъ и выйшои изъ Хвыдырикъ. Оглнулся, колы же Хвыдырикъ зосталась.

— Оттакъ нарабоио собаче жидыни, що й заблудыть; треба вертватымъ та Гарбуза пытатымъ.

Вернувшись у Хвыдырику Еде вульцей, не зна й силь куды, прямо куды очи стоять. Колы зестринъ чоловикъ та й каме:

— Здорови буды дядьку! скажи спасибо камъ, да той чоловикъ живе що я до его йду?

— Икъ чоловикъ и икъ його прозывало? той одвичай. Тутъ Степанъ за руку узивши угадувати икъ его прозывало, надумашъ—та й каме:

— Маркуз!

— Э! не пись такого чоловика иска у цілї Хвайдыровиці?

— Такъ якъ же його дражнить, можъ же такъ, э, ии ма-
бусть ось якъ: Гар... Гар...

Гарчанъ, гарчанъ, та й не скажи, посы той чоловикъ
како:

— Може Гарбузъ?

— Эх... ге! ажъ зрадивъ Степанъ.

— Ну такъ видиши чоловиче добрый и тебе проведу, побы-
ли його йтыму, то й всажу його хату.

— Отъ спасыби вами дядьку, будьте таки ласкави.

Пишлы. Йлучи де про юо балакалы: про посивы, то
якъ то Богъ уроде хлебъ, посы дійшли до Гарбузови хаты;
Степанъ пишонъ до хаты, а той чоловикъ дали.

Уйшовъ Степанъ у сини склонувъ шапку наядиша на
ципокъ тай поставиши у кутокъ,— вийнуви йты ажъ глинувъ,
коны у синяхъ двое дверей, туть Степанови встать задача:
не знае куды йты. Стоинъ, стоянъ а дали сталь видчинити
двери, та заинеть хаты убранишь у хыжу: дымити ажъ нека
ни людей никого, тилько стоять горшки эъ смытною то си-
ромъ; вернувшись назадъ, зачиныши хыжу, сталь видчинити у
хату двери, а двери түкенъко приставали таъ що треба
смыконуты гарненько, отъ Степанъ смыкалъ, смыкалъ не вид-
чиняетца, а дали якъ напильвиси, нѣс сини эъ усієи силы—две-
ри якъ видчинятца, та по лобу якъ стукнуты! Степанъ ажъ
видскочиши та якъ закрычить:

— А юбъ тебе чортъ разъ съ твойими дверимъ!

Гарбузъ почухъ ю щось закричало, вискочилъ у сини

колы дамытии прошь за чоловикъ не знакомый, та й пытас:

— Шо тамъ таке?

А Степанъ лежь кризъ плачь:

— Э, що тамъ таке! проклити двери трохъ головы не
ребылы.

Гарбузъ поспѣханъ у хату. Степанъ почухавшись пиз-
ниной.

Переступиши черезъ порогъ Степанъ сталь, поставши
трохъ кийкъ:

— Добрыдень.

Гарбузъ отвичай:

— Здоровъ чоловиче добрый.

Степанъ не зналъ съ чого почати балакаты, та такъ и
пытас:

— Чы не вы дядьку живете?

Гарбузъ осмыкнувшись отвичай:

— Ну а кого тоби треба, чоловиче добрый?

— Та мини прошь за чоловикъ скажи що не вы живете, я
и падишохъ.

— Та скажи хоть якъ мене промылаютъ?

— Та хыба вы дядьку не знаете якъ вать промылаютъ?
пытас Степанъ.

— Та я то знаю якъ мене промылаютъ, таъ твоей дунки
не знаю, мене промылаютъ Гарбузъ!

— Ну якъ Гарбузъ таъ мини й треба: це я до вать
прышовъ: чы пека у вать очерету придахильного? пытас Степанъ:

— Та ще засталось не знаю сколько його тамъ, куличъ мо-
же изъ сотни и бе.

— Та мили писстии только й треба. Сколько наль за писстии кулиш? пытас Степанъ.

— Та дай уже пистора карбованца, та й забырай человиче добрый.

— Э, це буде багацько, у мене й грошей нема стильно; помыть карбованца то будемъ сватами.

— Дуже мало даешь; я сю зиму не одну сотню продавъ очерету, а дешево такъ не видавашъ.

— Ну якъ не видзасте, то паше дило, буду йты до дому, бо вже не рано.

— То якъ знаешъ, дило твое,— каже Гарбузъ.

— Такъ прощавайте буду ѹты.

— Прошай человиче добрый.

Степанъ выйшовъ ажъ за ворота та й подумавъ, що жинка прыказуvalа щобъ купмы чось у Гарбуза.

Вернуўся до його та й пытас:

— Дядьку! чы въ рэсъ ѿ те, що мили жинка калала купыты.

— Та й чудный ты якій человиче! .. хыбъ я Богъ щобъ знаявъ чужи думы, чы ты въ мене ума выпутуешъ, чы сміесся? чы Богъ його зна чого тоби й хочетца . . . ажъ расердымъ Гарбузъ тонкуючысь тъ Степанокъ.

— Та ии дядьку, я забудъ якъ вонно называецца, жинка калала ще тъ його жонка холодный боршъ зробыты.

— Може ракітъ? пытас Гарбузъ.

— Эхе . . . ге . . .

— Ракы ѿе, сьгодня ходымъ, та піймавъ изъ юшокъ.

— Та мили машка не треба, мили десятківъ тъ пытъ,— сколько буде стояты?

— Четвертака дасыши.

Степанъ выпить, даъ гроши. Гарбушъ насыпать ракинъ у Степановъ мишка, Степанъ узлины раки,— ноги на плечи та й до дому почухравъ.

Отъ теперь то ишь Степанъ порадувався; бо ухватынь раки, поступи якъ винъ выишовъ за ворота на вулицю и не попавши куды ему треба було, ищоинъ зовинъ другою вулицею, та же икъ прыйшовъ до Потешкинскихъ изменивъ, та ажъ тоди лунпунъ очима такъ икъ сидуе, и раздмывши шо не туды попавъ? може бъ винъ ще и не раздмывши такъ почувъ що шумыть шись, (а то шумила вода въ лотовахъ). Туть Степанъ ставъ та й дамытия не знае що робитъ, а потизъ и каже:

— Шо це за нечиства маты, куды це я попавъ? чы це же не кто небудь воде и сажъ не ратовочу що зо иною діетце,— що миши казаты? куды йты? чы ратуйте крычаты, такъ що жъ ще видно: скажутъ що здураивъ, ии, буду ждати може кто небудь буде йты то й распытайся куды миши йты.

На Степанове щасти йшовъ человикъ, винъ сразу та назовавши, що человикъ не доходить до його ступинъ десятинъ эъ два, якъ Степанъ винъ шапку та й каже:

— Здорови булы дядьку! здилайте мылость скажить миши Бога ради, куды це я зайшовъ чы туды куды миши треба?— такъ мовъ же не туды бо якъ и переходынъ черезъ греблю такъ такого не бачыть якъ ото що понастроивано: ни хата, ни повитка, ни хлыни—походыло на комору ташъ щось коло його крутыця, и щось гуде, такъ що страшно й приступыты.

— Та ты забудь, человиче йшовъ чернозъ той кисть що по
*)

тій дорозі що йде на Броварки та на Глушки... каже чоловікъ.

— Та може й такъ дядьку, каже Степанъ—хыба це я заблудувъ?

— Незнаю може й заблудувъ—отвічає чоловікъ.

— Розкажіть куди мени ити?

— А куди жъ тоби треба?—пытає чоловікъ.

— Та мени жъ на Глушкиву і треба!—отвічло Степанъ.

— А ось чоловиче, я ѿще буду ити черезъ той самий містъ що тоби треба, мени до яльни треба, що витрихи стоять по той бокъ Хороль, такъ ходинъ за меню, то я тебе проведу я показаю куди ити.

— Отъ спасиби замъ дядьку, ходите!—Паша.

Ішли вони не дуже довго, бо Степанъ таки поспішили до дому.

Перебішивши черезъ містъ, той чоловікъ розказавъ куди йти та тутъ уже Степанъ я самъ дорогу знатъ. Паша Степанъ поспішили до дому до жінки, вийшовъ на гору оглянувшись на Хмидирину та й каже:

— Слава Тобі Господи! пасынку таки выбралъ въ прохладоти Хмидиринки.

Закуривъ люльку та й пішовъ дали. Йдучи надумавъ: що вони це таке за итища що я несусь.—сань соби каже: треба бъ подивитись.

Положивъ на землю мишокъ, запицавъ у мишокъ руку щобъ витягти рака та та вони якъ начипливши ску за руку клацнини та ще й давлатъ, винъ якъ вихвативъ ізъ мишкої руки.—а за рукою раківъ зъ п'ять вискочило та якъ

крайне.

— О ратуйте!

Та ажъ кризъ плачь:

— Шо воно таке за звирюки, шо щей кусацть, та же й
тъ мишко тикаютъ. Може воно таке, шо й не доженшъ, бо
Гарбузъ налазъ що доньть . . .

Только шо Степанъ началь збрати ракы узять одного,
а вонь ажъ щынне за руку, Степанъ ажъ малые рукою та й
началь кориньты и ракы и Гарбуза.

Шо стане укыдати у мишокъ то воны його щыннуть,
Степанъ уже чого не робить, ажъ коло фихъ не захокувавсь,
поки надумашъ та й каже:

— Стій тварь проклита, я знаю шо тъ вами зробити: ось
недалеко ставокъ Глушковскій, я васъ потоплю, тоди ви збі-
темете ажъ кусатись.

Надумашъ то Степанъ добре наказти ракы, ажъ ажъ
покидали у мишокъ коли побачивъ лежить недалеко па-
лычка донгенька, вонь узять, переломивъ ту палычку, та
тоди в бракъ палычками ракы и покидали у мишокъ та
ажъ зрадинъ, завязавъ мишокъ узять на плечи и пинозвъ
до ставка та ще й приказує:

— А що постійтъ я васъ потоплю! . . . потоплю! . . .

Та ажъ поки дійшовъ до ставка та все прикалує: «по-
тоцлю!».

Прийшовъ до ставка положивъ мишокъ на береги и
дивитца дебъ фихъ потопити, побачивъ кладочку, мишокъ
туди сінь на під розлязарь мишокъ та й каже:

— Аху ажъ ви будете кусатись? . . .

Та й мыснешь у воду.

Раки лягь пароузы на дно такъ тилько Степанъ и бачень, ждать винъ ждать, тое думашъ що воны будуть вырыпнаты та на берегъ вылезаты ляжъ на! не даждався. Дышатца Степанъ що сонце висе на заходи, що николы вже сидиты, треба до жинки чухраты, згорнувъ мишокъ узинъ його падъ плече та й пашовъ до жинки утыравочы слизки.— бо знать що Гапка за це вже не помылуге, а добро пополас, а може ще и бытые.

Сонце звесникъ уже начало закачутыця за гору и тилько що блыстило сюшть проминамъ, частенько вже охлыбаты перенизочки, у травахъ и вишняхъ, що зеленилы по стену: начали вже й соловьи заливати по садочкахъ, де будо все тихо,— не наче все за день напорылось и дожмдя темпеньком нічкы, щобъ одпочиты и пешаче вси деревни слухать лягъ соловейки щебечутъ,—не шелестить листячкою свояжъ и тилько чуты, десь у болоти бугай кричыти: гу! . . гу! . . а то все пешаче дрижае, ляжъ тоди тилько Степанъ добывес до своего кутора. Прыйшовъ уже ляжъ до хаты, а тилько бойтца йты. Колы це Гапка лягъ высокоче зъ хаты та лягъ закрычыть:

— А де це ты брундюкы бывъ? чуешь болоне, я жъ и казала що такъ буде.

Степанъ подійшовъ до Гапки знявъ шапку, та й кланяется и просытъ:

— Прости, помылугай моя Гапусю!

— Ну, ну! я помылугай! заліцала Гапка.

— А раки купувъ? . .

— К... у... п... и... в! ажъ кризъ плать вазанъ Степанъ.

— А дежъ воны?

— Эде! не тоби кажучы, потопныъ у Глушкинскому ставку!—и рассказывъ усе якъ було.

Якъ заходылъ же Гапка была Степана, мало того що лягъ на уси ластавы, а дали якъ піхала за чуба бядного Степана та й начала даваты йому стусанивъ, де тилько попивла и по голови, и по ныци а винъ нахлылъся, та тилько хмыкае якъ жала дытына, та просить:

— Пусты Гапусю!

Набыла Гапка бядного Степана сколько йей хотілось, а потімъ покинула, побигла у хату та й засунулась, а Степанови сказыть:

— Оставайся такий сникъ сыну на двори и въ хату не пустю, провадай якъ собака щобъ знать якъ раки тошти.

Такъ оттасе то лучилось изъ моинъ Степановъ!—начого вону бидаласи будо робити, переночувати на двори, а на другой день увійшовъ такы у хату. Гапка вже трохи подсердмилась, хотъ скоса и поглядыша на його та вже не ляглась.

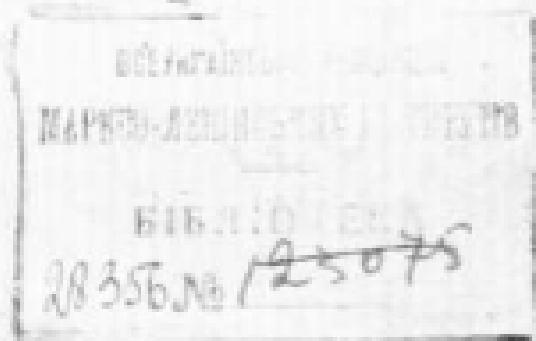
Багато бъ можна де чого рассказыти про цего Степана, бо винъ такы чудакъ и бувъ що такы не одарынь Його Богъ великымъ разумомъ, а такы й те що вырискъ у такимъ степу що биши ничего й не бачыни якъ степъ та свой хутиръ а биши ничего не чувъ, якъ тилько якъ нась колись овочата, то де колы якъ спустить на туже, то батько або мати вимдае,—то воно ничего дуже и дыноватца. Е ще и теперь багато подожмыхъ на Степана, якъ дитей своихъ не видджаєтъ у шкошу, а держать дома—кажуть: „вехай дома живе назчыт-

ци хлебиноваты, мы колысь жылы—и теперь живешь безъ тих грамоты, ишо вона здалась; хыба вона хлебомъ годуватымъ?** Хто же може склазты? звиско шо разумный чоловикъ не склаже, а яко небудь ледашо, шо дома на пичи наливетци—и не знашо винъ о тако: чы людина—ты скотина, отъ йому грамота и не нужна, йому колыбъ земли побилше. А шо винъ изъ тисю землю робытеше, колы самъ дурний. Подрипас, подрипас разомъ якъ небудь та пакида туди, икъ попало зерна, затягне борозю разъ, а якъ два, то й багато та тоди и смыть дома, и балше якъ на пичи, нигде не бувье; та тилько промовиле, шо якъ бы то Господь мылосердныи уродынъ хлебъ святый. А якъ не вродить на його пивки хлебъ, то жъ билши ничего у голову не иде, шо Господь тахи на його прогнившии шо не проданъ хлебъ, а того й не взыше соби у токъ шо якъ бы не лежать на пичи, та не наливец дома, та до ума посиянь, обробиши таихъ якъ треба; отъ тоди бъ и уродило. Ни, ему такы хотетци щобъ изъ неба хлебъ падашъ, а винъ бы тилько ложашъ рогъ рожавиши та бинъ бы. Чого путевого може паччити отъакий батько своихъ детей? балше ничего, окримъ того шо самъ зна. А чомъ теперь не вчты, колы у кожинжъ сели с школа общественна, та й по хуторатъ багато людей грамотныхъ с такихъ не вчты бы, все бъ таки, лучше рожавиши дитеский учъ из школи, чымъ дома слухиочи якъ батько изъ матирю закодетци лягтишь. Колы вонъ й у насъ буде таихъ, якъ у людей робытци; шо всикъ грамотный и знае шо таихъ раси, шо зверь, шо чоловицъ и де винъ вонючи, для чого винъ живе на свите: для того, щобъ тилько на пичи лежати, та спати, чы щобъ

кому небудь и пользу приносити.

Дай Боже щобъ и у насть усекъ чоловикъ письма знать,
святе писания читать и детей своихъ научать!

Т. Калаченко.

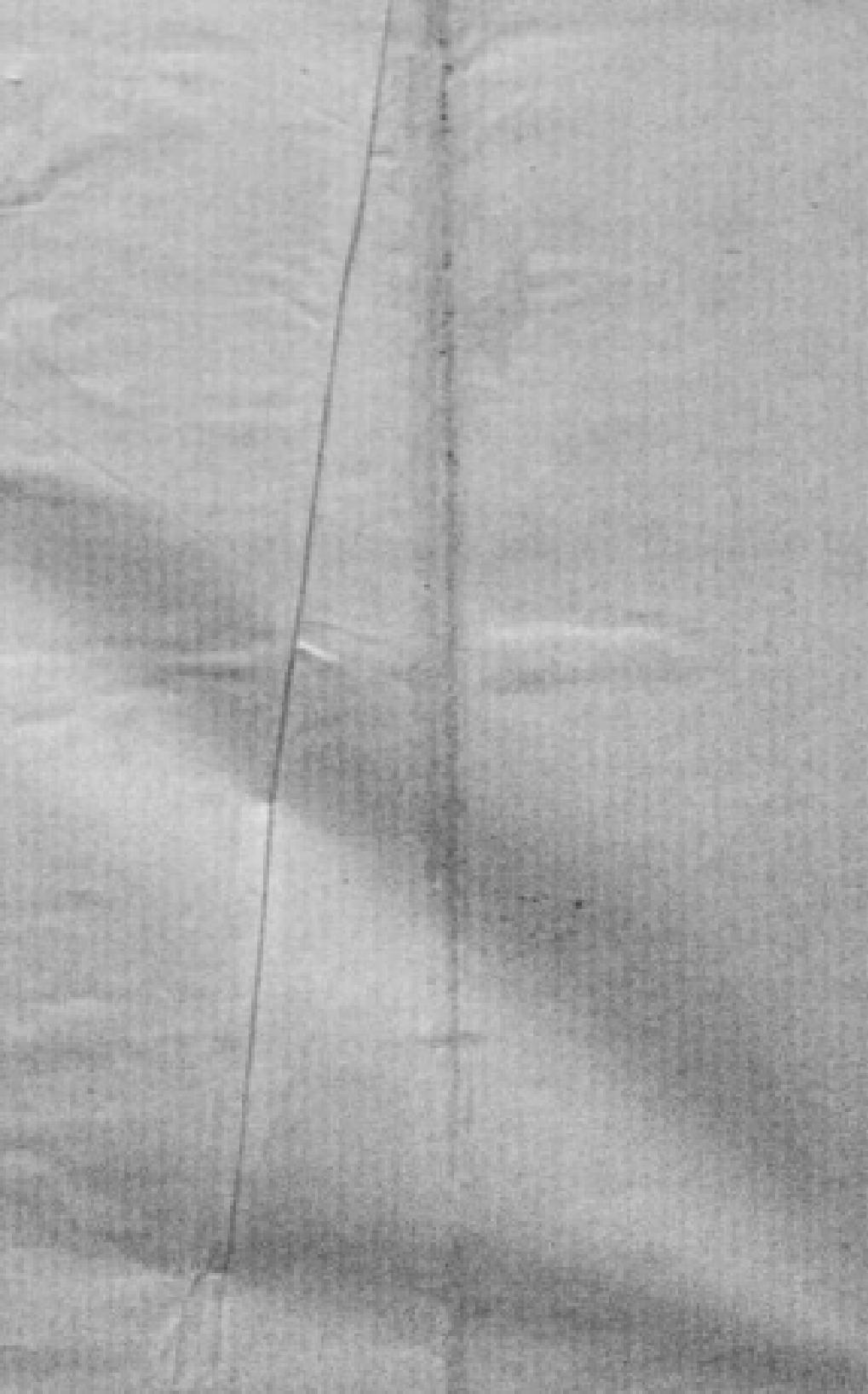

О Г Л А В Л Е Н И Е:

	Стр.
„Шо то добре кутяръ маты“	Г. Булбы. 6
Винчуне лыхо	М. Гмыди. 7
Сокильскій архарокъ Правон Серады. Его жъ	12
Сенечъ и Насти	Его же 39
Восьмачка. Побрехемъка	Т. Долиниця 70
Крученъ вицца (тъ Гребинки)	В. Василенко 2 73
„Зажуривая парубика“	Т. К 79
Ракы сповиданни	Т. Калениченко 80

June 75;

